Новая земля и новое небо

Александр Иванович Неклесса

SHOUT
SHARE
IT

- Новая земля и новое небо

Новая земля и новое небо Интервью Александра Неклессы порталу "Конструирование Будущего"

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,
Пока не предстанут Небо с Землей на Страшный Господень Суд
Редьярд Киплинг

— Вчера меня спросили: кто такой Александр Иванович Неклесса? Я принялась рассказывать то, что написано о Вас в "представительских", публичных, Web-документах. Но я уверена, что Вы знаете другой ответ на этот вопрос…

— Признаюсь, вопрос для меня достаточно неожиданный. Впервые сталкиваюсь с подобной откровенной его постановкой. Хотя, действительно, сложно формально очертить предметный круг, которым я занимаюсь. На это, пожалуй, есть две причины.

Одна объективная — та всепронизывающая интердисциплинарность социогуманитарного дискурса, которая все явственнее утверждается в общественных науках, когда прежний категориальный аппарат, методы прочтения реальности оказываются не вполне адекватными (а подчас совершенно не адекватными) ее нынешним манифестациям. Иначе говоря, сложившийся ранее и апробированный в прежних исторических ситуациях когнитивный инструментарий социальных наук не отражает (или не вполне отражает) текущее состояние практики.

Вторая причина, скорее, субъективного характера. Действительно, мне довольно часто приходится представать, скажем так, в экономической ипостаси. Однако я все же определяю свое положение в профессиональной среде в роли политолога. Политология, на мой взгляд, — сейчас наиболее универсальная дисциплина в социогуманитарной сфере, в современном мире она становится синтетической наукой (я бы сказал "социологией", если бы место не было занято), т. е. это системный интерпретатор практики, который занимается значимыми взаимодействиями людей и проектов, все более вбирая в себя такие понятия, как социология, экономика и даже, в какой-то степени, культура.

Иначе говоря, в тех предметных областях, которые до какого-

то момента развивались и анализировались достаточно автономно, дисциплинарно, стала ощущаться подспудная, да, впрочем, и проявленная тяга к интеграции, т. е. произошла, если так можно выразиться, своя "когнитивная глобализция". Данный интеллектуальный импульс провоцирует создание новой, целостной (а не системной) картины мира, используя достоинства своеобразного синергийного подхода к актуальной реальности человеческих взаимоотношений.

Чтобы охватить происходящие перемены "одним махом", мы приклеиваем новой исторической (и эпистемологической) ситуации ярлык постиндустриальной культуры или, скажем, постмодернизма, что позволяет нам прочитывать политические, экономические, идеологические, культурные тексты, так сказать, "с чистого листа", позволяет уловить очертания дальних горизонтов развития.

Следует, кроме того, учитывать, что социальные науки в современном обществе сплошь и рядом, сознательно и бессознательно ангажированы, Они амбициозны и преследуют то или иное мирополагание. Изделия, представленные на этом рынке, нередко являют собой искусно деформированный продукт интеллектуальных корпораций, побуждаемых в своей деятельности корпоративным или коммерческим интересом, являясь, в сущности, политизированным нарративом.

Вот, пожалуй, очертания того предметного поля, которое меня интригует и динамичный ландшафт которого я пытаюсь исследовать.

— Кто сейчас определяет "динамичность" этого ландшафта?

— Агенты перемен, которые я объединяю понятием амбициозные корпорации. Можно сказать, амбициозные личности, энергичные элитные организованности — и это тоже будет правильно.

В мире происходит, на мой взгляд, глобальная революция, некоторый аналог которой я вижу в первых веках существования нашей цивилизации, в смысле — христианской цивилизации, которая, в свое время, тоже была инициирована, организована и выстроена личностями, объединенными амбициозной сетевой организацией. Сейчас на планете происходит нечто аналогичное. Но в чем различия?

Строительство новой христианской цивилизации происходило в свое время параллельно с крушением цивилизации прежней, которая в тот период получила определение "античной". Сами носители прежней культуры ее античной не называли, частица anti— отражает взгляд со стороны, смысл этой

коннотации — "прежняя", "предшествующая" цивилизация, в некотором смысле, если угодно, — "антицивилизация". А христиане считали и называли себя "новым народом", "новыми людьми" (moderni) — они строили новый мир, представляя единый народ, который создавал новую, транснациональную и трансграничную социальную общность — Universum Christianum.

То, что происходит на планете сейчас, рождает массу аллюзий и аналогий. Процесс крушения античного мира, разрушения цивилизационных опор сделал менее отчетливым процесс выстраивания новой цивилизации, подчас, фактически, скрывая его. Слишком часто, говоря о Средневековье, воспринимают и определяют его как время не как футуристический порыв, но как повсеместной деградации, варварства и дикости. (Не случайно иное, более провокативное определение, относящееся к тем временам, сплошь и рядом употребляющееся расширительно, — "темные века".) Действительно, признаки цивилизационной катастрофы присутствовали в ткани Средневековья, но доминантой исторического процесса было все же нечто иное — строительство Нового мира, экспансия и интенсивное освоение (усвоение) основ новой, христианской, цивилизации, радикально отличной от античного миропорядка.

Сейчас имеет место схожая трансформационная ситуация, но она разворачивается в иной системе координат. Во-первых, несмотря на присутствие аналога "переселения народов" нет отчетливого краха прежней цивилизации, ее материальной культуры. Наоборот, цивилизация вроде бы переживает стремительное развитие и производит впечатляющие реалии, которые называются постиндустриальными, высокоиндустриальными, сверхиндустриальными, скажем, системы мгновенной коммуникации, генетические и биотехнологические изделия, новые средства проекции силы, высокоточные военные технологии и т. п., — т. е. цивилизационный организм продолжает существовать и эффективно функционировать. И, тем не менее, знаки кардинальных перемен налицо.

В последней трети прошлого века влиятельные позиции в обществе стала занимать новая плеяда людей, "новый класс", органично связанный с постиндустриальным укладом и враждебный прежнему порядку вещей. Его представители, фактически, заключили стратегический союз с частью "третьего сословия" (прежде всего с финансовым капиталом), занявшись масштабной перестройкой мира. Постиндустриальная элита создает и обустраивает собственную социальную инфраструктуру,

которая, во-первых, транснациональна, а во-вторых, основывается на новом типе институтов — гибких организованностях, социоконгломератах, которые я определяю как амбициозные корпорации, преследующие не столько экономические, сколько социополитические и культурные цели.

Тут происходит много коллизий и трансформаций. Индустриальная, промышленная экономика шаг за шагом уступает место искусству постиндустриальных системных операций: таких, скажем, как новые мировые деньги, глобальный долг, перераспределение мировых ресурсов и дохода, управление рисками, контролируемая деструкция и т. п. В политической сфере гражданское общество постепенно вытесняется феноменом массового общества, институты представительной демократии и публичной политики замещаются "демократией управляемой", принцип разделения властей размывается, возникают иные весьма влиятельные, хотя и неформальные или "полуформальные" центры власти. В сфере международных отношение вестфальская система их организации и соответствующая геометрия международно-правового поля заменяется иерархией международных регулирующих органов, единой властной вертикалью и другими весомыми новациями.

Новая социальная антропология содержит один странный компонент, знакомый, впрочем, по процессам самоорганизации сетевых организаций (присутствовавший, кстати, и в генезисе христианского мира), — принцип **взаимной симпатии**. Симпатия — глубинное понятие, слово обозначает не только эмоциональное состояние, данный термин в свое время употребляли алхимики (одни из первых представителей "четвертого сословия") — это метафизически обоснованное гармоничное сочетание, совпадение людей по внутреннему целеполаганию, соучастие в едином — как сказали бы сейчас — проекте. Гармоничное созвучие в хорошо темперированном проектном пространстве естественным образом оформляет, "кристаллизует" гибкие и динамичные организованности, т. е. деятельные конгломераты, оформленные не столько институциональным образом, сколько технологически и идеологически. Гибкие, потому что это не учреждения в привычном понимании (хотя иногда это могут быть и учреждения). И не корпорации в прежнем понимании (хотя это могут быть и корпорации). Это своего рода пластичный "холдинг людей", сумма их формальных и неформальных контрактов, "симпатичных дерзновений", причем деятельность этого организационного роя — что существенно — эффективна еще и потому, поскольку она оперирует современным индустриальным и постиндустриальным инструментарием — техническими,

технологическими, финансовыми, организационными и прочими средствами мультиплицированной и форсированной проекции действия.

Вся эта пестрая компания ведет интенсивную борьбу за новую землю, перестраивая мир (прежде всего в финансово-правовом и информационно-культурном отношениях), причем далеко не всегда ее деятельность носит публичный характер. Если прежние структуры, стремясь утвердиться в социальной реальности, громко заявляли о себе и претендовали на определенную в ней нишу, то новая социальная протоплазма тяготеет, скорее, к анонимности, предпочитая действовать поверх существующих социоконструкций.

С позиций прежней оргструктуры тут возникает интересный эффект, основанной как раз на предрасположенности новых организованностей к неформальным схем деятельности и их тяге к анонимности. Их присутствие подчас просто не улавливается имеющимся в наличие социологическим и политологическим инструментарием, не "прочитываются" им, пока не наступает момент прямой коммуникации или конфронтации. Амбициозные корпорации проявляются преимущественно в действии, а не в социальных текстах и ярлыках. Поэтому ряд процессов современного мира приобретает анонимный характер, что косвенно указывает на дефектность привычной социальной картографии, неполноту ее семантики, в том числе сложившегося в прошлом веке категориального аппарата и теоретических схем политологии.

— Насколько адекватно представлена новая постиндустриальная реальность в России? Как и кем она представлена?

— История России в XX веке производит на меня двоякое впечатление. С одной стороны, прошлое столетие начиналось как перманентный модернизационный и, что, пожалуй, даже более важно, инновационный порыв.

Если мы вспомним культуру Серебряного века, разнообразные проявления российского социального, индустриального, инженерного дерзновения того времени… Расширяя же фокус, увидим, что могучие импульсы и энергии социального творчества охватывали в те годы планету в самых разнообразных и далеко не всегда симпатичных проявлениях. При этом интеллектуальным сообществом того времени Россия рассматривалась едва ли не как "центр циклона", как гигантская строительная площадка, деятельность на которой выходила за рамки сугубо модернизационного проекта. Знаете, в начале восьмидесятых в Голливуде был снят фильм "Красные" ("Reds") о

Джоне Риде, о левой культуре начала прошлого века, фильм, передающий атмосферу ожидания крупномасштабной социальной реформации, предвкушения глобальной революции, воплощения, строительства в тех или иных формах Нового мира, идущего на смену обществу, в котором господствовало "третье сословие". И Россия, повторю, воспринималась как ведущий инноватор воплощения данного трансформационного проекта.

Однако процесс социального творчества в России-СССР был достаточно быстро окорочен. Строительство нового общества приобретало все более грубые, механистичные, я бы даже сказал архаистичные формы, воплощая своего рода карикатуру на идеалы Просвещения. В стране целенаправленно — по крайней мере, до определенного момента — создавался идеальный инструмент социального действия, "механизм", "машина", последовательно уничтожавшая любую значимую **субъектность** (вплоть до субъектности "правящей партии"), гиперболизируя, таким образом, голую и потому бессмысленную **функцию**. Социогуманитарная, личностная, персоналистичная, а, следовательно, творческая компонента, интенция инновационного, интеллектуального поиска была кастрирована, и теперь уже полностью прочитанная история России XX века оставляет грустное впечатление. Страна после краткого периода перестроечной и постперестроечной эйфории перешла в стадию цивилизационного упадка.

Особенно я бы выделил один исторический эпизод, редко упоминаемый в этой связи, — семидесятые годы прошлого века. На рубеже 1960-70 годов в мире произошел социальный взрыв — то, что на поверхности выглядело как "майская революция" в Париже, как контркультурные и антивоенные движения в США и т. п. Все эти события, однако, имели гораздо более основательный фундамент, чем это казалось непросвещенному наблюдателю, связанный с экспликацией новых форм социальной, политической и экономической деятельности, знаменуя утверждение на игровой площадке мира новой влиятельной страты, упомянутого ранее "четвертого сословия". Иначе говоря, тех людей, которые чувствовали себя "в своей тарелки" среди реалий возводимого на планете постиндустриального мира, имея прямое и косвенное отношение к средствам массовой и элитарной информации, к финансам и правовой деятельности, к идеологии и шоу-бизнесу, к политтехнологиям и т. п. Постепенно эти ручьи начали сливаться в полноводное русло, образуя безбрежный виртуальный океан, деятельную протоплазму, в движениях которой ощущалась пульсация какого-то могучего организма.

Этот, выходящий из вод истории организм, нес в себе

транснациональную плаценту, обиталище **эфирократии, людей воздуха**. Людей, которые умеют строить воздушные замки и при случае успешно торговать ими. Помните, был такой роман Александра Беляева "Продавец воздуха"? Но это не совсем то. Как не совсем то и прочтение данной страты в координатах модифицированной геополитики, т. е. сближение его с категориями талассократии, телурократии (культур "воды" и "суши"). Читая подобные геополитические тексты, не могу избавиться от ощущения какого-то их органичного дефекта, хотя вроде бы речь идет о занимательных материях, но вот с современной ситуацией они все-таки слабо соотносятся. Одну из попыток вынужденной модернизации предпринял в свое время, если не ошибаюсь, Карл Шмидт, введя понятие аэрократии, как нового пространства деятельности. Но "люди воздуха" все же нечто иное, скорее уж действительно "продавцы воздуха", т. е. торговцы виртуальными ценностями: символическими деньгами и их многочисленными производными, информацией, различными коммуникациями, видеопродукцией и телеэфиром, нематериальной субстанцией знания, образования, пропаганды и разнообразными клонами влиятельного семейства социогуманитарных технологий.

Однако вернемся к вопросу о России. Что же случилось? Семидесятые годы — время, когда в мире развернулся процесс глобальной трансформации, — в СССР ощущались как "застой", т. е. как время, когда ничего не менялось! Если вдуматься, это поразительная историческая коллизия. В мире происходили стремительные, революционные, радикальные изменения, а в Советском Союзе медленно угасала пассионарность предшествующих шестидесятых… Ощущение глобальной революции отсутствовало не только в обществе, но и в правящих кругах, поскольку, как уже говорилось, была стерилизована политическая мысль, подавлена социальная активность, выкорчеван социогуманитарный креатив, — все это было низведено в маргинальные слои, в свою очередь превращенные в поля "охоты на ведьм", и исторический шанс был упущен.

Тем не менее, несмотря на издержки и деформации, становление постиндустриальной культуры и сопутствующего ей "нового класса", как и всякий системный процесс, обладал большой инерционностью. И заодно таким экзотическим свойством, которое Руперт Шелдрейк (в своей области) определял как **морфологический резонанс**. Иначе говоря, если где-то имеет место фундаментальная новация (мутация), то она — причем не всегда понятными путями — проявляется и в других средах, в том числе не связанных между собой непосредственным

образом. Так что и в России-СССР процесс становления постиндустриального уклада сопровождался специфическим социальным строительством, становлением, хотя и усеченной, версии "четвертого сословия", искавшего и находившего собственные пути к рычагам власти.

Если мы посмотрим на ситуацию в России во второй половине восьмидесятых годов прошлого века — т. е. обозревая положение вещей, сложившееся в связи с перестройкой, — то, прочитывав социальный текст с очерченных выше позиций, с некоторым удивлением констатируем: на арену российской истории в те годы выходила генерация людей, хотя и эклектичная по составу, по предмету деятельности, но которую, в целом, можно охарактеризовать как российский постиндустриальный класс.

Этот "новый класс" (естественно, не в джиласовском значении данного термина), достаточно быстро нащупал путь к рычагам власти, однако взять власть в свои руки так и не сумел. В реальной истории он сдал ее другой группе элиты, связанной с трофейной экономикой и перераспределением природной ренты, в результате чего Россия-РФ в социальном и геоэкономическом смысле перешла в состояние, которое вначале вроде бы поставило ее на одну площадку с такими странами, как Китай, однако позднее выяснилось, что планка была завышена и более адекватным является сопоставление России со странами калибра Бразилии, да и политической культурой Латинской Америки в целом. Что же касается расхожего аргумента об обладании высокими технологиями и ядерным оружием, то в современном мире им обладают также и Индия, и Пакистан… (Истинная ситуация, сложившаяся в стране, была и остается, правда, прикрытой доходами от экспорта природных богатств — в 2003 году Россия, кажется, вышла на первое место в мире по этому показателю).

А отдельными своими чертами нынешняя российская действительность напоминает даже африканскую. Например, для Африки характерно резкое противопоставление столицы и провинции; столицы, которая своими центральными кварталами порой практически неотличима от европейского города, и глубинки, для которой характерна уже совсем другая реальность, основанная на "народной экономике", натуральном хозяйстве, бартере и т. п. Нечто подобное мы с той или иной степенью соответствия наблюдаем сейчас в провинциальной России, но более отчетливой аналогия, по-видимому, станет после коллапса системы ЖКХ и других инфраструктурных катастроф.

Что я хочу сказать? Россия на излете XX века не только не

совершила прорыв в пространства постиндустриальной культуры, зачатки чего отчетливо ощущались во второй половине восьмидесятых годов (время не слишком успешной попытки перейти в постиндустриальный кластер и стать одной из частей глобального высокотехнологического/постиндустриального сообщества), но вместо этого провалилась в своего рода "черную дыру", пополнив ряды социального арьергарда мира.

Подобная "загогулина" имела ряд дополнительных следствий: специфический характер оказавшейся у власти элиты; своеобразный рисунок экономики, которая балансирует между доминантой производства природного сырья и полуфабрикатов и некой параэкономической альтернативой. Иначе говоря, выясняется, что устойчивое производство сырья и полуфабрикатов это далеко не худший вариант, а вот в случае развития системного кризиса в сырьедобывающей индустрии, помноженного на изменение благоприятной для России конъюнктуры на мировых рынках и на инфраструктурный кризис, страна рискует погрузиться в стихию Глубокого Юга. С характерными для нее политической нестабильностью, выраженным авторитаризмом (уже не "платящего дань добродетели") и трофейной экономикой (когда цивилизационный ресурс просто проедается, как в девяностые годы проедался стратегический запас и основные фонды). Сейчас как-то забылось, что приблизительно к 1987 году в СССР было проведено довольно значительное обновление основных фондов, и этот задел во многом позволил пережить вакханалию девяностых, плавно, а не скачкообразно реализуя инволюционную перспективу.

Что же касается постиндустриальной культуры, то она по-своему развивается, но, в основном, в столичных мегаполисах, существуя в транснациональном измерении и одновременно — в российском.

— В таком случае, можем ли мы согласиться с тем, что стратегию за Россию в XXI веке пропишут АК?

— АК, действительно, не являются сугубо экономическими образованиями и обладают вкусом к стратегическому целеполаганию. Хотя слово "корпорация" у нас естественным образом употребляется в том же смысле как "фирма", "предприятие"…

— И даже как "производство"?

— И даже как "производство". Корпорация — понятие юридическое, изначально связанное с наличием "корпоративной привилегии" — определенной социальной функции. Корпорация и сейчас рядом черт своей деятельности проявляет себя не только как хозяйственное, но и как социогуманитарное предприятие.

Кстати говоря, "сюжет Ходорковского" показывает эту внутреннюю интенцию корпоративных организованностей. В транснациональном мире не слишком актуально предъявление претензий корпорации, по поводу того, что она занимается не своим (хозяйственным) делом. Это логика прошлой эпохи: ты — частный "хозяйствующий субъект", так и занимайся экономикой, мы публичные политики — занимаемся политикой. В реальном мире — настоящем, современном, постсовременном — корпорации представляют комплексные организованности, которые занимается "всем", правда, в различных пропорциях. И если мы посмотрим на показатели рыночной капитализации существующих корпораций, то увидим, что разрыв в соотношении материальных и нематериальных активов достигает порой порядковых величин, т. е. собственно материальные активы могут составлять лишь 10 % их рыночной стоимости. А за счет чего образуются 90 %? За счет нематериального, "невидимого" капитала — человеческого, символического, социального, интеллектуального, культурного…

— Политического.

— Совершенно верно. Занимаясь повышением своей рыночной капитализации, корпорация не может упускать из виду все эти составляющие. Иначе она перестает быть успешным игроком. Поэтому крупная корпорация обладает определенной нематериальной инфраструктурой. Вспомним стандартный реестр корпоративных основ: миссия, в**и**дение, стратегия, перспективы и прочее… Что такое "миссия" корпорации? Что такое ее "в**и**дение"? Это не что иное, как комплексная, долгосрочная стратегия, которая в числе других масштабных целей предполагает выстраивание благоприятного для корпоративной деятельности контекста.

Современные корпорации можно с определенной долей условности разделить на два кластера: корпорации, которые занимаются промышленной деятельностью, и корпорации, связанные с постиндустриальным производством. Интересы этих групп подчас диаметрально противоположны. И естественно, что они выстраивают социальную и политическую инфраструктуры, которые пребывают в определенном конфликте. Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что в США эта дихотомия проявляется в борьбе демократической и республиканской партий, представляющих различные метакорпоративные организованности, действующие как на американской, так и на транснациональной площадках.

Поэтому, отвечая непосредственно на Ваш вопрос: да, конечно же, корпорации (далеко не только российские) имеют

определенное видение будущности России и выстраивают определенные стратегии, они обладают для этого соответствующими ресурсами: финансовыми, кадровыми, организационными. Эти стратегии носят подчас конфликтный характер. Хотя возможны и гармоничные их сопряженности, в том числе и с политическим истеблишментом — то, что можно назвать когерентной стратегией России, которая, тем не менее, в 2003 году так и не стала предметом профессиональной деятельности внутри страны. Национальная "стратегия" по прежнему строится во многом формальным (бюрократическим) или рефлекторным (ad hoc) образом, редко встречаются субъекты социального действия, серьезно заинтересованных в выстраивании алгоритма действия на период дольше, чем… да, пожалуй что, два-три года, хотя естественней было бы сказать: четыре, все-таки электоральный цикл… Но и четырехлетний цикл было бы трудно назвать национальной стратегией.

— Мы говорим о конфликтности. Но если взглянуть на ситуацию с другой точки зрения и подумать над вопросом, в чем основа кредита доверия АК в России, к примеру, когда речь идет об умных гуманитарных технологах, о классе "людей воздуха"?

— Пожалуй, я вижу процесс трансляции властного, политического текста несколько иначе. Долгое время живя в неестественных условиях, в искусственном, иллюзорном мире, российская элита в значительной мере утратила чувство реальности. Реальность, в которой обитает человек, не носит благого характера (я абстрагируюсь от метафизического анализа этой ситуации: почему природа человека испорчена, почему мир плохо устроен, беру лишь данность). Одна небольшая иллюстрация: в политике существует понятие "дьявольской альтернативы", т. е. ситуации, когда человеку у руля власти приходится выбирать между плохим и ужасным. Вот тут и ощущается во всей экзистенциальной полноте вкус реальности. Иначе говоря, кошмар ответственного политика в том, что он — причем не так уж редко — выбирает не между хорошим и плохим, а между плохим и ужасным. Такой вот выбор и производимый к тому же подчас в весьма сжатые сроки.

Жизнь в мире, наполненном критическими и потенциально катастрофическими ситуациями, заметно уплощает политический процесс. Политику сплошь и рядом приходится оперировать прагматичными, мобилизационными категориями. Схема, когда общество создает кредит доверия, делегирует его какой-то партии, которая реализует затем заявленную электоратом волю, — в достаточной мере фиктивна. АК — это субъект новой

реальности, и эта реальность, как всякий системный процесс, время которого пришло, разворачивается независимо от чьих-то локальных интересов. Мы наблюдаем сейчас "вершину айсберга", выход на поверхность процесса, генезис которого прослеживается на протяжении столетий.

Общество меняется. Наши представления об обществе меняются. Появляются новые социальные горизонты. Мы привыкли, к примеру, прочитывать карту мира, как административно-политическую, двумерную плоскость, которая разделена на Бельгии, Голландии, США, Россию и т. д. В то же время опыт начала XXI века говорит, что дела в реальности обстоят каким-то другим образом. Например, возникшее недавно понятие "астероидной группы": образования, в котором слипаются части элитных организованностей разных национальных организмов, в свою очередь представляющих расколотые или надколотые планеты. Иначе говоря, системообразующим фактором этих процессов является не национальное государство, а иные магниты, иные гравитационные центры, которые оказываются притягательнее.

Мы получаем новую геометрию власти, иные траектории политики. И вся эта деятельная среда не обрела пока соответствующей формализации — у нас дефицит лексики, не то что категориального аппарата в данной области. Амбициозные корпорации… когнитивный домен… астероидная группа… как-то экзотично все это звучит! Самый нейтральный термин — новая организованность. И еще для современной политологии характерно пристрастие к приставкам "нео", "анти", "пост", фиксирующим присутствие новизны, но мало что говорящим о ее сущности. Поэтому, мне кажется, сейчас актуальна не проблема кредита доверия, который передается игрокам на социальном поле, а, скорее, понимание того, что же из себя представляет это современное социальное поле, какие игроки и в какие игры на нем играют. Общество, которое отказывается от добросовестного картографирования новой реальности, занимает позицию, которое в психологии называется **эскапизмом** — уподобляясь в этом страусу, заклиная, кодируя признаки серьезного кризиса или катастрофы, определяя их фиксацию как "алармизм". Но существо, избегающее "принятия неприятностей", со временем исчезает из бытия.

Мне кажется, серьезный недуг, поразивший Россию в последнее время, — это ее внутренняя аномизация (термин, изобретенный Эмилем Дюркхеймом в начале прошлого века, обозначающий утрату социальной структурности, цивилизационный упадок или, иначе говоря, — **коллективное**

самоубийство). Общество начинает разрушаться, в том числе и демографически, причем — характерная черта — в сегментах активного возраста. Одновременно происходит утрата вкуса к социальному действию, ощущения его значимости, кризис, если не крах институтов представительной демократии и публичной политики.

Все это итоги долгого пути. На протяжении XX века в России происходило последовательное уничтожение пассионарных личностей, причем не только "выпалывание сорняков", но и "подстригание газона", включая самооскопление, самоцензуру, авторедукцию. И образовался мир, плохо совместимый с глобальной революционной ситуацией, а когда исчезла разделяющая Восток и Запад "стена", то в России-РФ наиболее пассионарной частью общества оказалась асоциальная и прямо криминальная среда, субкультура которой разрасталась, как на дрожжах, влияя на другие слои общества. В итоге мы получили коктейль из представителей спецслужб (живших в прежнем обществе все-таки по несколько иным правилам игры, специально готовясь проводить операции вне рамок закона) и в той или иной степени криминализованной элиты. Элита, однако, не может быть криминальной. Если она становится криминальной, то перестает быть элитой. Коррупция — это не взяточничество, коррупция — это внутреннее разрушение личности. Внутренне разрушенная личность не может создавать целостное долгосрочное мирополагание, она блюдет частные интересы. Она прочитывает политику как интригу и оказывается в результате уязвимой для внешних игроков с долгосрочным целеполаганием (стратегией).

То самое понятие людей **с длинной волей**, которое традиционно отождествлялось с понятием элиты — прямо противоположно коррупции, **измельчанию**. Если мы имеем циничную люмпен-элиту, распоряжающуюся национальными ресурсами и властью, то естественным образом получаем социальную стагнацию, прикрытую конъюнктурной политикой, и, в конце концов, — коллапс общества, и если это так, то пришла пора серьезно задуматься о "мире без России". Звоночек меняющегося положения вещей прозвучал: серьезно поставлен под сомнение статус России как государства, соответствующего стандартам "Большой семерки", а в аналитических документах все чаще встречается тезис о "возможности размещения при тех или иных обстоятельствах иностранных войск на территории РФ".

— Где находится площадка коммуникации участников новых организованностей и людей, мыслящих себя в мире, в котором Россия присутствует? Возможна ли для них единая цель?

— Кажется, человечество приближается к историческому "моменту истины". В конце концов, в чем проявляется геном развития современной, христианской цивилизации? Данное мировоззрение освободило человека от пут традиционной культуры, где отсутствовала личность и торжествовала функция. Человек рождался конюхом, сын его рождался конюхом, и фамилия их была Конюхов. Христианство создало новую структуру мира (конфликт между этими мирами, как мне кажется, наиболее отчетливо отображен Шекспиром в трагедии Гамлета), в котором человек понимает относительность условных механизмов (в "случае Гамлета" — родовой мести), и свою внутреннюю свободу от наложенных на него извне функций и обязательств. Так появляется личность, которая подобна своему Творцу, т. е. свободно (а не под гнетом рока) творит судьбу и собственный мир.

На протяжении всей истории человек находился под пятой земной власти. Это была власть авторитарных структур, власть религий, власть идеологии. В определенном смысле, секулярный мир, секулярное общество — это есть внеконфессиональная форма христианства. Ни в одной другой цивилизации вы не увидите такого феномена, такого парадокса, т. е. секулярный мир, мир атеистический, как мы упрощенно его называем, есть порождение христианства. Христианство ставит человека в ситуацию предельной свободы, когда он, если пожелает, может быть свободен даже от своего Творца. Это та ситуация, в которой находился Адам в раю, когда Бог его "инструктировал", но не "программировал". Адам выбирал. Геном истории выводит человечество к ситуации подобного момента истины, человек вновь оказывается один на один со своим Творцом, но обладая при этом вновь обретенной, деятельной свободой и будучи, в определенном смысле, освобожден в своем выборе от власти диктующих ему свою волю внешних, авторитарных сил (но, конечно же, не от личных пристрастий, соблазнов и искушений).

— То есть, человек — подобие Бога, а не функциональная единица, не "цифра"?

— Да, именно так, "не цифра". Это важно, поскольку с подобными категориями связан разворачивающийся в современном мире процесс "объективизации" человека, повторного лишения его прав субъектности.

Тут ощущается определенная парадоксальность ситуации. Наряду с процессом индивидуации, когда человек, обретая историческое совершеннолетие, все чаще осознает и проявляет себя как свободная личность, в мире протекает параллельный процесс становления массового общества. Процесс этот

инволюционен по отношению к феномену гражданского общества. Человек из субъекта действия вновь становится объектом и в этой связи совсем не случайным фактом видится появление в последние годы "темы ИНН".

В чем тут проблема? Не только христианские фундаменталисты, но и вполне светские либералы (скажем во Франции), крайне отрицательно воспринимают развитие этого процесса. Одно дело, когда человек имеет какие-то документы, в которых проставлены какие-то циферки: есть документ, потерял его, получил новый, с новыми циферками. И другое дело, когда человек, действуя в социальной геометрии, фактически, утрачивает имя, оно становится его частным делом и с точки зрения социальной инжинерии в общем-то иррелевантным для большинства значимых ситуаций. Официальным же "именем" человека становится пожизненный номер, или как записано в новом российском паспорте — "личный код". То есть то, как человек себя называет: Александром, Николаем, Джоном, Августом, Мигелем, Яковом, — становится "прилагательным". "Существительное" же — "шесть миллиардов семьсот семьдесят два миллиона триста двадцать четыре тысячи…". Это и есть настоящее имя, то, чем реально оперируют социальные механизмы.

Реализация подобной тенденции обезличивания — одновременно апогей и крах идеологии Просвещения. То, что подавляющее большинство людей не видят тут проблемы (так сказать, обезличивающего "властного нарратива"), говорит само за себя. Знаете, в детстве на меня сильное впечатление произвело одно наблюдение: когда я столкнулся с тем, как на Западе пишут адреса на письмах. Сначала — имя человека, его определение как личности, затем идет фамилия — родовое определение (усиливающее, а не снижающее уникальность), а потом уже — улица, на которой человек живет ("Гарри Поттеру, Буковая аллея"), потом — район, город и, в конце, страна… Так формируются деятельные личности, а не "винтики механизма", упрощающего сбор налогов или функционирование систем безопасности.

— Почему Вы охарактеризовали эту ситуацию как "апогей и крах идеологии Просвещения"?

— Соединение на одном историческом пятачке форсажа индивидуации и объективации человека — удивительная коллизия. Но в человеческом мире вообще редко протекают однозначные процессы, человеческая личность потому и личность, что очень неоднозначна. Однако люди нередко стремятся упростить себе жизнь, упростить свое положение.

В истории христианской цивилизации, в хрониках ее доминирующей на планете версии — западноевропейской, североатлантической, глобальной — было несколько судьбоносных рубежей, один из которых — первые века второго тысячелетия. Здесь я хотел бы выделить одну тенденцию — процесс фактического замещения линейной логикой Аристотеля гораздо более сложной тринитарной логикой и соответствующих ей кодов мышления. Это большая и самостоятельная тема, но "эффективное упрощение", привитое где-то в XIII веке — в том числе и такими фигурами, как Фома Аквинский, который, борясь с альбигойской ересью, лишил, сам того не желая, христианскую культуру какой-то ее важной, органической составляющей, — ввело в обиход мышление, основанное на упрощенном моделировании реальности. Однако утвердившись в своих, в общем-то, прикладных, инструментальных правах ментальная редукция, "тень реальности", объявила себя светом и стала претендовать на роль нового абсолюта. Усечение тринитарной логики и фактический возврат к мышлению в категориях линейной логики Аристотеля рано или поздно вело к идеологии Просвещения и конструированию утопий. Линейная логика тяготеет к идеальной модели, а ее непреодолимое расхождение с практикой продуцирует токи тоталитаризма, поскольку модель никогда не будет реализована в своем иллюзорном совершенстве.

Революция сознания, породившая христианскую цивилизацию, основывается на чуде Боговоплощения, т. е. на претензии человека обладать божественными энергиями, и на осознании догмата троичности — внутреннего содержания, **структурности**, **гармоники** этой энергии. Произошла трансценденция линейно-логического мышления, свойственного Античности и натурфилософского взгляда на мир, когда предельной формой совершенства считался космос, а высшим проявлением истины — непротиворечивость и логичность постулатов (позиция Аристотеля). Логика и благо перестали быть критерием устроения мира (космоса), а он сам перестал являться идеалом для человеческого существа. Это была колоссальная мировоззренческая революция. В начале же второго тысячелетия, во многом благодаря экспансии арабов (переживших под влиянием творческих энергий монотеизма собственный впечатляющий Ренессанс), но также и в результате разграбления Византии (в самом начале XIII века), античное наследие, включая Аристотеля, проникает в Европу, породив по ходу ряд ересей (Сигера Брабантского, Абеляра).

В чем заключалась ересь? Ересь — понятие, обозначающее искажение, **уплощение** реального положения вещей. В конце XIII

века Парижский университет дважды собирался, чтобы разобрать данный вопрос. Основная претензия к Аристотелю звучала следующим образом: нельзя непротиворечивость принимать за доказательство истинности, ибо это умоляет свободу Творца. Бог — свободная личность, а Его личность потому и свободна, что не скована даже формальной логикой. И если мы хотим узнать, как устроен Богом данный мир, то мы можем пользоваться инструментом логики, но не апеллировать к ней как к последней инстанции. Апеллировать же мы должны непосредственно к самому миру — как непосредственному творению Бога, иначе говоря, мы должны без предвзятости обратиться к природе, т. е. прибегнуть к эксперименту. Так родилась новая наука, радикально отличная от натурфилософии Античности.

Человек, дерзающий претендовать на обладание божественными энергиями, должен в какой-то степени представлять, что же такое Божественное. Исследуя на основании Откровения, что такое Бог, он, трансцендируя собственное естество и мышление, постигает непростые смыслы. Из всего этого возникало новое, сложное мышление современного человека. Только **современного** не в смысле культуры модерна в его сегодняшнем понимании, а современного в том смысле, как это слово употребляли новые христиане: формировалось новое мышление, рождалась новый народ и обустраивался новый мир. Впрочем, эту тему мы уже затрагивали в начале беседы. Вообще, христианский стиль мышления — основанный на тринитарной логике, халкидонской логике — который утверждался в первом тысячелетии на Вселенских соборах, совершил ряд удивительных открытий. Результаты этого процесса настолько органично впитаны тканью современной цивилизации, что слишком часто нам, без дополнительного комментария, трудно оценить их революционность и новизну (хотя бы в отношении вышеописанного генезиса новоевропейской науки — как развития, точнее аппликации догм вполне определенного, христианского, богословия).

Христианский мир первого тысячелетия создал на Западе и Востоке Европы два революционных ареала, таивших возможность цивилизационно-культурного прочтения нелинейных кодов бытия. В западноевропейской среде это была культура Прованса, культура "миннэ", растворившаяся и деградировавшая затем в манихейской механистичности альбигойского гностицизма. На Востоке — таковыми были искры исихастской культуры Византии, которая активно развивалась с XI, но так и не успела породить собственную культурно-цивилизационную оболочку. В XV веке Византия прекратила

существование. Россия многое унаследовала от Византии, но боюсь, основной дар Второго Рима был утрачен: в реальной истории России эта линия (представленная Нилом Сорским и культурой нестяжательства) была прервана, от чего также проистекло много следствий…

В развитии цивилизации прочерчивается сейчас контур критической ситуации, когда, с одной стороны, личность выходит на некий генеральный (социальный) пик, но здесь же — и путь ее нисхождения, возможность грандиозного провала.

Личность современного человека лишена забрала запретов традиционного общества, она равно открыта добру и злу; если в традиционном обществе доминировали охранительные механизмы, которые сдерживали благие и деструктивные новации, то снятие этих механизмов создает простор как для конструктивных, так и для деструктивных проектов. В подобных условиях и возникает племя гибких, сетевых организованностей, объединяющих освобожденных от запретов традиционного общества пассионарных личностей, действующих по собственным умонастроениям и обладающих доступом к инструментарию, недоступному человеку прежних времен. Прежние институциональные организмы эпохи Нового времени страдали механистичностью, темпы их действия были "как в замедленном кино". Сейчас явно изменилась скорость социального времени, кроме того, оно расщепилось: колоссальное ускорение в одних социальных пространствах соприсутствует с иными, замедленными ритмами. И подчас люди, живущие в непосредственной близости друг от друга, существуют тем не менее в разных временных регистрах.

Заметна также геокультурная диффузия социального пространства. Тот синкретизм культур, который наблюдается в современном мире — когда в одном обществе сосуществуют люди разных фундаментальных культурных ориентаций, христианской, мусульманской, языческой, — они живут в разных слоях социального (и личного) пространства, в его разных культурных измерениях. Мир, сохраняя внешнюю оболочку "глобализации", внутренне раздроблен, полимерен. Одна из основных проблем глобальной безопасности, связана с тем, что многие достижения христианской цивилизации — которые создавались в системе сдержек и противовесов, характерных для данной культуры, — переходят в настоящее время в руки других культур, имеющих иные ценности и ориентиры. И возможно, в рамках некоторых культур понятие **коллективной угрозы** воспринимается совершенно по-иному, точно так же, как и понятие **деструкции**.

Доктрина сдерживания, угроза взаимного уничтожения — все

это имело смысл в рамках определенной культуры и в условиях, когда данная культура (пусть и в различных версиях) контролировала остальной мир. И США, и СССР существовали в рамках очень по различному прочитанных прописей христианской цивилизации, через ряд посреднических механизмов — той же культуры Просвещения, к примеру… Культура же транснациональных амбициозных корпораций задает совершенно иную логику действий, девальвируя, к примеру, национально-географические реалии. Подобное смешение социальных пространств и времен на пороге XXI века, означает рождение новой социальной среды действия, которую я оцениваю, как новый статус общества по отношению к статусу **цивилизации**.

О чем, собственно, идет речь? Я ставлю под сомнение само понятие **цивилизации**, как адекватное ситуации, складывающейся в Новом мире. Маркиз Мирабо в середине XVIII века описал нехитрую триаду: архаика, варварство, цивилизация. Причем цивилизация понималась во многом как "отглагольное существительное", как процесс, как **цивилизованность, политес** (еще одно слово, связанное с городской культурой). Сегодня, кстати, мы видим, как городская среда утрачивает свое прежнее положение. Возникает новая просторность существования — та же корпоративная среда — транснациональная по своей природе: чтобы все время не апеллировать к феномену амбициозных корпораций, приведу в пример империю "Coca Cola": ее архипелагообразная "территория" присутствует в разных государствах, а принадлежность к организации для ее членов порой означает больше, чем гражданство. Разрушение сложившейся системы социальной организации, диффузия социального времени, геокультурное смешение — все это приводит к тому, что мы получаем какое-то новое, **четвертое** состояние общества.

— Где находится этот четвертый мир относительно триады Мирабо? Они расположены на одной линейке?

— Линейка у нас в голове. В новом состоянии общества, по сути дела, соприсутствуют и архаика, и варварство, и цивилизация, но сосуществуют они как взаимная диффузия, как взвесь. Мы наблюдаем химеричные картины: люди на верблюдах со спутниковыми телефонами в одной руке и покрытыми песчаной пылью "Калашниковыми" в другой. Люди в тюрбанах на головах и с ноутбуками возле Эйфелевой башни. Вполне современные образы! И эта культурно-цивилизационная взвесь, пожалуй, не является просто неким транзитным барьером, через который проходит человечество. Это его какой-то новый статус.

То есть, я хочу сказать, что подобная неопределенность, с одной стороны, не есть транзитное состояние, это новый статус социальной реальности, но с другой стороны — сама неопределенность есть продукт сконфуженного мышления, начало фундаментальной трансформации сознания. Парадоксы из области квантовой физики (где их наличием можно было и пренебречь) переходят в сферу обыденной жизни, в мир структур повседневности. Мы уже говорили о том, что космос новых организованностей мышлением современного человека (т. е. человеком эпохи Модернити) плохо прочитывается, зачастую просто не воспринимается. Если мы продолжим логическую цепочку, то придем к тому, что современный человек **не видит** нового положения вещей, которое он воспринимает лишь как нарушение стабильности. И у него срабатывает инстинкт самосохранения, тяга к превентивности: он стремится удержать и возродить прошлое.

И, в то же время, существует племя людей, которые инициируют, продуцируют, раздувают новую реальность. У них совершенно иная задача — борьба за темп, борьба за будущее, за новый Клондайк, за освоение открывшихся социальных пространств, за то, чтобы стать пионерами в этом Новом Свете, расположенном по ту сторону геркулесовых столбов Всемирного торгового центра. Ключевое слово для них не превентивность, а **преадаптация**. Это совсем другие, амбициозные организмы, стремительно осваивающие мир контролируемого хаоса. Прежние и новые организованности, обитая на одной планете Земля, живут в разных пространствах и ведут счет различными единицами времени. Для характеристики сложившейся ситуации я прибегну к приему, который сам же осудил в середине разговора, и назову это состояние **постцивилизацией**. Удивительным образом оно напоминает четвертое состояние физического вещества: плазменное, которое представляет собой турбулентную, динамическую взвесь.

Итак, социокосмос приближается к своему плазменному состоянию, состоянию Большого взрыва. Но удивительная особенность этого взрыва — его гром слышен не всем. Оглядываясь вокруг, видишь: национальные государства продолжают существовать, корпорации производят товары и услуги, на пути перемещения людей по планете возводятся все более крепкие барьеры. Возникают даже квази-имперские структуры, связанные в настоящий момент с США. Так что же, приведенный выше тезис не верен? Нет, он просто прочитывается неверно, в дуалистичной логике оппозиций: если возникает одно, то уничтожается другое.

Но существует и то, и другое. Как сосуществуют на одной планете племена финансовых брокеров, работников НАСА и, скажем, аборигенов Амазонии или людоедов Новой Гвинеи. Вопрос, однако, что актуально? Иначе говоря, человек может жить в национальном государстве, пользоваться институтами публичной политики, и в то же время это бытие все больше напоминает заключительные кадры кинофильма "Солярис" Тарковского: искусственный островок, погруженный в бескрайний океан — в транснациональную плаценту, где действуют совсем другие законы, и обитают иные существа — люди воздуха, энергичное племя эпохи Водолея. А окружающие привычный быт, знакомые по прошлым годам образы — просто уютный, искусственный домик-практикабль, обитатели которого лишены верхнего зрения и не видят ту реальность, в которой прописаны и находятся.

Источник: "Конструирование Будущего", 2004 г.